

Говард Филлипс Лавкрафт

Зов Ктулху

(The Call of Cthulhu)

Можно предположить, что еще живы представители могущественных сил или существ” из того неимоверно далекого периода... когда сознание являло себя в формах и видах, исчезнувших задолго до прихода человечества, в формах, мимолетную память о которых хранят лишь поэзия и легенда, называющие их богами, чудовищами и мифическими созданиями всех сортов и разновидностей.

Элджернон Блэквуд

I. Ужас из глины

На мой взгляд, самым милосердным свойством нашего мира является неспособность человеческого разума связать воедино все, что этот мир в себе содержит. Мы живем на мирном островке невежества среди темных морей бесконечности и не должны уплывать от него слишком далеко. Науки, каждая из которых движется в своем направлении, до сих пор причиняли нам мало вреда; но однажды соединение разрозненных обрывков знаний откроет нам такое ужасающее зрелище реальности и нашего истинного положения, что мы либо лишимся рассудка от подобного откровения, либо постараемся скрыться от такого просветления в покое и безопасности новых Темных веков.

Теософы высказывают догадки о пугающем величии космического цикла, в котором наш мир и человеческая раса являются лишь временными обитателями. От их намеков на возможность пробуждения давно минувшего кровь застыла бы в жилах, не будь они прикрыты успокаивающим оптимизмом. Однако не они дали мне возможность бросить тот единственный взгляд на запретные эпохи, о чем я вспоминаю с дрожью наяву и в безумных ночных кошмарах. Этот проблеск, как и все пугающие проблески истины, был вызван случайным соединением разнородных деталей — в данном случае одной старой газетной заметки и записок умершего профессора. Я надеюсь, что никто больше не совершит подобного соединения; во всяком случае, пока я жив, я никогда сознательно не присоединю ни одного звена к этой ужасающей цепи. Думаю, что профессор тоже собирался хранить в тайне то, что узнал, и наверняка уничтожил бы свои записи, если бы ему не помешала внезапная смерть.

Обо всем этом я впервые узнал зимой 1926–27 года, когда неожиданно умер мой двоюродный дед, Джордж Геммел Энджелл, отставной профессор семитских языков Брауновского университета в Провиденсе, штат Род-Айленд. Профессор Энджелл был широко известен как специалист по древним письменам, и к нему часто обращались руководители ведущих музеев; поэтому о его кончине в возрасте девяноста двух лет узнали многие. Интерес к этому событию подогревался загадочными обстоятельствами его кончины. Смерть настигла профессора, когда он возвращался домой после встречи парохода из Ньюпорта; свидетели утверждали, что он внезапно упал, столкнувшись с каким-то негром, по виду — моряком, неожиданно вынырнувшим из одного из подозрительных темных дворов, что выходят на крутой склон холма, по которому пролегает кратчайший путь от побережья до дома покойного на Уильямс-стрит. Врачи не сумели обнаружить на теле ничего подозрительного и после долгих дебатов пришли к заключению, что смерть наступила вследствие чрезмерной нагрузки на сердце, вызванной подъемом столь пожилого человека по крутому склону. Тогда я не видел причин сомневаться в таком выводе, однако впоследствии у меня возникли сомнения — и даже больше, чем просто сомнения.

Будучи наследником и душеприказчиком своего двоюродного деда, который умер бездетным вдовцом, я должен был тщательно изучить его бумаги; с этой целью я перевез все папки и коробки к себе в Бостон. Основная часть отобранных мною материалов была позже опубликована Американским археологическим обществом, но оставался еще один ящик, содержимое которого я считал наиболее загадочным, почему и не хотел показывать его никому. Он был заперт, и я не мог обнаружить ключ до тех пор, пока не догадался осмотреть личную связку ключей профессора, которую тот носил с собой в кармане. Тогда мне наконец удалось открыть ящик, однако, сделав это, я столкнулся с новым, куда более сложным препятствием. Как я мог догадаться, что означал обнаруженный мной глиняный барельеф, а также разрозненные записи, выписки и газетные вырезки, находившиеся в ящике? Неужели мой дед в старости подпал под влияние самых грубых суеверий? Я решил разыскать эксцентричного скульптора, повинного в столь очевидном расстройстве прежде трезвого рассудка старика.

Барельеф представлял собой неправильный четырехугольник толщиной менее дюйма и площадью примерно пять на шесть дюймов; он был явно современного происхождения. Тем не менее изображенное на нем было далеко от современности как по духу, так и по замыслу; при всей причудливости и разнообразии кубизма и футуризма, они нередко воспроизводят ту загадочную регулярность, которая таится в доисторических письменах. А в этом произведении такого рода письмена безусловно присутствовали, хотя я, несмотря на знакомство с бумагами и коллекциями деда, не мог отождествить их с каким-либо конкретным источником или хотя бы уловить намек на их происхождение.

Над этими иероглифами располагалась фигура, которая явно была плодом фантазии художника, хотя импрессионистская манера исполнения мешала точно определить ее природу. Это было некое чудовище или символ, представленный чудовищем такого облика, какой могло породить лишь больное воображение. Если я скажу, что в моем воображении, тоже отличающемся экстравагантностью, возникли одновременно образы осьминога, дракона и карикатуры на человека, то я, пожалуй, верно передам облик изображенного существа. Мясистая голова, снабженная щупальцами, венчала гротескное чешуйчатое тело с недоразвитыми крыльями; однако именно общий контур этой фигуры делал ее столь пугающей. Фигура располагалась на фоне, отдаленно напоминающем циклопические архитектурные сооружения.

Записи, которые сопровождали эту диковину вместе с газетными вырезками, были сделаны рукой профессора Энджелла сравнительно недавно и не претендовали на красоты стиля. То, что, видимо, являлось основным документом, было озаглавлено “КУЛЬТ КТУЛХУ”, причем буквы были очень тщательно выписаны, вероятно, во избежание неправильного прочтения столь необычного

слова. Сама рукопись была разбита на два раздела, первый из которых имел заглавие “1925 — сны и их мотивы в творчестве Г.Э.Уилкокса, Томас-стрит, 7, Провиденс, Род-Айленд”, а второй — “Рассказ инспектора Джона Р.Легресса, Бьенвилль-стрит, 121, Нью-Орлеан, Луизиана, в 1908 в А.А.О., заметки о том же и свид. проф. Уэбба”. Остальные бумаги представляли краткие записи — изложение странных снов различных лиц, выдержки из теософских книг и журналов (в особенности из книги У.Скотта-Эллиота “Атлантида и потерянная Лемурия”) и заметки о наиболее долговечных тайных обществах и секретных культах со ссылками на такие мифологические и антропологические источники, как “Золотая ветвь” Фрэзера и книга мисс Меррей “Культ ведьм в Западной Европе”. Газетные вырезки в основном касались случаев особенно причудливых психических расстройств, а также вспышек группового помешательства весной 1925 года.

Первый раздел основной рукописи содержал весьма любопытную историю. Она началась 1 марта 1925 года, когда худой темноволосый молодой человек крайне возбужденного вида явился к профессору Энджеллу и принес с собой необычный глиняный барельеф, совсем еще свежий и влажный. На его визитной карточке значилось имя Генри Энтони Уилкокса, и мой дед узнал в нем младшего отпрыска довольно известной семьи, который еще недавно учился на скульптора в художественной школе Род-Айленда и проживал в одиночестве в “Доме под лилиями” неподалеку от места учебы. Уилкокс был не по годам развитым юношей, известным как своим талантом, так и эксцентричностью. С раннего детства он привлекал внимание окружающих своими странными рассказами и непонятными сновидениями, которые часто видел. Он называл себя “психически гиперчувствительным”, однако добропорядочные степенные жители старого торгового порта считали его просто “чудным”. Мало общаясь с людьми своего круга, он постепенно пропал из поля зрения общества и теперь был известен лишь небольшой группе эстетов из других городов. Даже Клуб искусств Провиденса, озабоченный сохранением своих традиций, считал его совершенно безнадежным.

В день своего визита, как сообщала рукопись профессора, скульптор без всякого вступления сразу попросил хозяина применить свои познания в археологии, чтобы разобраться в иероглифах на барельефе. Говорил он в мечтательной и высокопарной манере, которая позволяла предположить в нем склонность к позерству и не вызывала особых симпатий; неудивительно, что мой дед ответил ему довольно резко, ибо подозрительная новизна таблички заставляла думать о чем угодно, но не об археологии. Возражения юного Уилкокса, которые произвели на моего деда столь сильное впечатление, что он считал нужным их запомнить и даже зафиксировать письменно, носили поэтический и фантастический характер, свойственный всем его разговорам и бывший, как я впоследствии убедился, отличительной его чертой. Он сказал: “Конечно, он новый, потому что я сделал его прошлой ночью в сновидении о странных городах, а сновидение это старше, чем многолюдный Тир, погруженный в раздумья Сфинкс или увенчанный садами Вавилон”.

Тут-то он и начал свое бессвязное повествование, которое пробудило дремлющую память и вызвало горячий интерес моего деда. Предыдущей ночью произошли небольшие подземные толчки, самые сильные в Новой Англии за последние годы; это сильно повлияло на воображение Уилкокса. Отправившись спать, он увидел невероятный сон об огромных циклопических городах из гигантских каменных блоков и о взметнувшихся к небу монолитах, источавших зеленую жижу и наполненных скрытым ужасом. Стены и колонны там были покрыты иероглифами, а снизу, с какой-то неопределенной точки звучал голос, который не был голосом, — хаотическое ощущение, которое лишь силой фантазии могло быть преобразовано в звук, хотя Уилкокс попытался передать его почти произносимым сочетанием букв — “Ктулху фхтагн”.

Эти странные слова оказались ключом к воспоминанию, которое взволновало и беспокоило профессора Энджелла. Он с научной дотошностью расспросил скульптора, и в лихорадочной спешке принялся изучать барельеф, над которым юноша неосознанно работал во время сна и

который увидел перед собой после пробуждения, продрогший и одетый в одну лишь ночную рубашку. Позже Уилкоккс сказал, что мой дед сетовал на свою старость, не позволявшую ему достаточно быстро распознать иероглифы и изображения на барельефе. Многие из его вопросов казались посетителю совершенно посторонними, особенно те, что содержали попытку как-то связать его с различными странными культами или сообществами; Уилкоккс с недоумением воспринимал неоднократные заверения профессора, что тот сохранит в тайне его признание в принадлежности к какой-либо из широко распространенных мистических или языческих религиозных структур. Когда же профессор Энджелл убедился, что скульптор понятия не имеет ни о каких культах или системах тайного знания, он стал добиваться от своего гостя согласия сообщать ему о содержании последующих сновидений. Это принесло свои плоды, и после упоминания о первом визите рукопись содержала сообщения о ежедневных приходах молодого человека, во время которых он излагал поразительные картины своих ночных видений; там всегда присутствовали некие ужасающие циклопические пейзажи с нагромождениями темных, источающих влагу камней и подземный голос или разум, который монотонно выкрикивал загадочные звуки, воспринимаемые органами чувств как полная бессмыслица. Чаще всего повторялись наборы звуков, которые описывались буквосочетаниями “Ктулху” и “Р’лайх”.

23-го марта, продолжала рукопись, Уилкоккс не пришел; визит на его квартиру открыл, что он стал жертвой неизвестной лихорадки и был перевезен в дом его семьи на Уотермэн-стрит. Той ночью он кричал, разбудив других художников, проживавших в доме, и с тех пор его состояние описывалось лишь как чередование периодов бреда с полным беспмятством. Мой дед сразу же телефонирует его семье и с тех пор внимательно следил за событиями, часто обращаясь за информацией в офис доктора Тоби на Тейер-стрит, который, как он узнал, был лечащим врачом юности. Пораженный лихорадкой мозг больного посещали странные видения, и доктор, сообщавший о них, временами не мог сдержать дрожь. Видения эти содержали не только то, о чем прежде рассказывал юный Уилкоккс; все чаще упоминались гигантские создания, “в мили высотой”, которые бродили или ползали вокруг.

Он ни разу не описал этих существ достаточно связно, но те отрывочные слова, которые передавал доктор Тоби, убедили профессора, что существа эти, по-видимому, идентичны безымянному чудовищу, изображенному молодым человеком во сне. Упоминание этого объекта, добавлял доктор, всегда предшествовало наступлению летаргии. Температура больного, как ни странно, не очень отличалась от нормальной; однако все симптомы указывали скорее на настоящую лихорадку, чем на умственное расстройство.

2-го апреля около трех часов пополудни болезнь Уилкоккса неожиданно прекратилась. Он сел в своей кровати, изумленный пребыванием в доме родителей и ничего не знающий о том, что происходило во сне или наяву после ночи 22 марта. Врач нашел его состояние удовлетворительным, и через три дня он вернулся в свою квартиру; однако никакой помощи профессору Энджеллу он больше не оказывал. Все следы причудливых сновидений полностью исчезли из памяти Уилкоккса, и мой дед прекратил записи его ночных видений спустя неделю, в течение которой молодой человек пунктуально излагал ему совершенно заурядные сны.

Тут первая часть рукописи заканчивалась, однако сведения, содержащиеся в отрывочных записях, дали мне материал для размышлений — и в таком обилии, что лишь крайний скептицизм, составлявший в то время основу моей философии, позволял мне сохранять недоверчивое отношение к художнику. Упомянутые записи представляли собой содержание сновидений различных людей и относились именно к тому периоду, когда юный Уилкоккс совершал свои необычные визиты. Похоже, что мой дед сумел быстро развернуть весьма обширные исследования, опрашивая почти всех знакомых, с которыми мог доверительно общаться, об их сновидениях, а также фиксируя даты их появлений. Отношение к его просьбам,

видимо, было различным, но в целом он получил больше откликов, чем любой нормальный человек сумел бы обработать без помощи секретаря. Сама корреспонденция не сохранилась, однако его заметки составили полный и весьма примечательный обзор этих видений. При этом представители деловых и общественных кругов, по традиции считающиеся в Новой Англии “солью земли”, давали почти полностью негативные результаты, хотя и у них порой встречались тяжелые, но смутные ночные видения, неизменно имевшие место между 23 марта и 2 апреля, то есть в период горячки юного Уилкокса. Люди науки оказались чуть более подверженными влиянию, хотя всего лишь четыре отчета содержали мимолетные описания странных ландшафтов, и в одном случае упоминалось наличие чего-то аномального и пугающего.

Прямое отношение к теме исследования имели только сновидения поэтов и художников, и я уверен, что, если бы появилась возможность сравнить их описания, не удалось бы избежать паники. Скажу больше: поскольку самих писем здесь не было, я подозревал, что составитель обзора задавал наводящие вопросы или даже подтасовывал данные под искомый результат. Вот почему я продолжал думать, что Уилкокс, каким-то образом осведомленный о материалах, собранных моим дедом раньше, оказал внушающее воздействие на престарелого ученого. В целом отклики эстетов создавали тревожную картину. Начиная с 28 февраля по 2 апреля многие из них видели во сне весьма причудливые вещи, причем интенсивность сновидений заметно усилилась в период лихорадки скульптора. Больше четверти сообщений содержали упоминания о сценах и звуках, похожих на описанные Уилкоксом; некоторые из опрошенных признавались, что испытали сильнейший страх перед появляющимся под конец гигантским непонятным объектом. Один случай, описанный особенно подробно, оказался весьма печальным. Широко известный архитектор, тяготевший к теософии и оккультизму, в день начала болезни Уилкокса впал в буйное помешательство и через несколько месяцев скончался, непрерывно умоляя избавить его от какого-то исчадия ада. Если бы мой дед в своих записях вместо номеров указывал подлинные имена своих корреспондентов, то я смог бы навести справки и предпринять собственные попытки расследования, но, за исключением отдельных случаев, такой возможности у меня не было. Последняя группа дала наиболее подробные описания своих впечатлений. Меня очень интересовало отношение всех опрошенных к исследованиям, предпринятым профессором. Хорошо, что они так и не узнали об их результатах.

Вырезки из газет, как мне удалось понять, имели отношение к Различным случаям паники, психозов и всевозможных чудачеств, случившимся за тот же период времени. Профессору Энджеллу, должно быть, потребовалось целое пресс-бюро для выполнения этой работы, поскольку количество вырезок было огромным, а источники сообщений разбросаны по всему земному шару. Здесь было сообщение о ночном самоубийстве в Лондоне, когда живший в одиночестве мужчина выбросился во сне из окна с диким криком. Было бессвязное послание к издателю одной газеты в Южной Африке, в котором какой-то фанатик предрекал будущие катастрофы на основании видений, явившихся ему во сне. Заметка из Калифорнии описывала теософскую колонию, члены которой, нарядившись в белые одежды, все вместе приготовились к некоему “славному завершению”, которое, однако, так и не наступило; сообщение из Индии осторожно намекало на серьезные волнения среди туземцев, возникшие в конце марта.

Запад Ирландии тоже был полон диких слухов и рассказней, а живописец-фантаст по фамилии Ардуа-Бонно выставил на весеннем салоне 1926 года в Париже богохульное полотно под названием “Пейзаж из сна”. Записи же о беспорядках в лечебницах для душевнобольных были столь многочисленны, что лишь чудо могло помешать медицинскому сообществу обратить внимание на эти странные совпадения и сделать из них определенные выводы. Этим зловещим подбором вырезок было сказано многое, и сегодня я с трудом могу представить, как бесчувственный рационализм побудил меня отложить все это в сторону. Однако тогда я был

убежден, что юный Уилкоккс каким-то образом узнал о более ранних материалах, собранных профессором.

II. Рассказ инспектора Легресса

Материалы, сделавшие сон скульптора и его барельеф столь значимыми для моего деда, составляли тему второй половины обширной рукописи. Случилось так, что профессор Энджелл уже видел прежде дьявольские очертания безымянного чудовища, ломал голову над непонятными иероглифами и слышал зловещие звуки, которые можно воспроизвести только как "Ктулху", причем все это выступало в таком внушающем ужас контексте, что жадный интерес профессора к Уилкокксу вряд ли может вызвать удивление.

Это раннее описание относилось к событиям, имевшим место в 1908 году, семнадцатью годами ранее, когда Американское археологическое общество проводило свою ежегодную конференцию в Сент-Луисе. Профессор Энджелл в силу своего авторитета и научных заслуг играл существенную роль во всех обсуждениях и был одним из первых, к кому несколько гостей форума обратились с вопросами и проблемами, требующими экспертной оценки.

Главным из этих гостей, на короткое время сосредоточившим на себе внимание всей конференции, был вполне заурядный на вид мужчина средних лет, прибывший из Нью-Орлеана, чтобы получить из первых рук недоступную там информацию. Его звали Джон Рэймонд Легресс, и по профессии он был полицейским инспектором. С собой он привез и сам предмет визита — гротескную, омерзительно выглядящую и, по всей видимости, весьма древнюю каменную фигурку, происхождение которой было ему неизвестно. Не стоит думать, что инспектор Легресс имел хотя бы малейший интерес к археологии. Напротив, его желание получить консультацию объяснялось чисто профессиональными соображениями. Эта статуэтка, идол, фетиш или что-то еще, была конфискована несколькими месяцами ранее в болотистых лесах южнее Нью-Орлеана во время облавы на сборище предполагаемых колдунов вуду. Обряды, связанные с этим обществом, были необычны и отвратительны, и полиция не могла не понять, что имеет дело с неким темным культом, доселе совершенно неведомым и куда более дьявольским, чем самые мрачные африканские колдовские секты. По поводу его происхождения, кроме отрывочных и маловероятных сведений, полученных от задержанных участников церемонии, ничего не удалось выяснить; поэтому полиция обратилась к ученым за сведениями, которые помогли бы объяснить смысл устрашающего символа и благодаря ему добраться до первоисточников культа.

Инспектор Легресс был явно не готов к тому впечатлению, которое произвело его сообщение. Одного вида привезенного им предмета оказалось достаточно, чтобы привести собравшихся ученых мужей в состояние сильнейшего возбуждения. Мгновенно они столпились вокруг гостя, уставившись на маленькую фигурку, крайняя необычность и глубочайшая древность которой говорили о возможности заглянуть в доселе неизвестные и потому захватывающие бездны прошлого. Неизвестная скульптурная школа вдохнула жизнь в этот ужасающий предмет; казалось, что в тусклую зеленоватую поверхность неизвестного камня вписаны века и даже целые тысячелетия.

Фигурка, медленно передаваемая из рук в руки для близкого и Детального осмотра, имела семь-восемь дюймов в высоту. С исключительным мастерством она изображала монстра, очертания которого смутно напоминали антропоидные, однако он обладал головой осьминога, а лицо представляло собой сплошную массу щупалец. Тело было чешуйчатым, похожим на резиновое, передние и задние лапы оканчивались гигантскими когтями, а сзади красовались

длинные узкие крылья. Это создание, которое казалось исполненным губительного противоестественного зла, имело раздутое тело и восседало на корточках на прямоугольной подставке или пьедестале, покрытом неизвестными иероглифами. Кончики перепончатых крыльев касались заднего края подставки, сидалище занимало ее центр, а длинные кривые когти скрюченных задних лап вцепились в передний край и спускались вниз на четверть длины пьедестала. Голова монстра была наклонена вперед, так что кончики лицевых щупалец касались огромных передних когтей, которые обхватывали приподнятые колени. Все изображение казалось аномально живым и особенно пугающим оттого, что происхождение его оставалось совершенно неизвестным.

Невероятная древность этого предмета была очевидна; в то же время он ни одной нитью не был связан ни с каким известным типом искусства начала цивилизации — как и любого другого периода. Сам материал также остался загадкой, поскольку зеленовато-черный камень с золотыми и радужными крапинками и прожилками не напоминал ничего известного геологии или минералогии. Письмена на подставке тоже поставили всех в тупик никто из присутствовавших не сумел связать их с известными лингвистическими формами, хотя здесь собралось не менее половины мировых экспертов в этой области. Иероглифы, подобно фигурке и ее материалу, принадлежали к чему-то страшно далекому и отличному от человеческого мира; они казались напоминанием о древних и нечистых циклах жизни, в которых нам и нашим представлениям не было места.

И все же, пока присутствующие ученые безнадежно качали головами и признавали свое бессилие перед загадкой инспектора, среди собравшихся нашелся человек, уловивший тень смутного сходства этой фигурки и надписи на ней с тем событием, свидетелем которого он был. Им оказался ныне покойный профессор Уильям Ченнинг Уэбб, профессор антропологии Принстонского университета, не без оснований признанный выдающимся исследователем. Сорок восемь лет назад профессор Уэбб участвовал в экспедиции по Гренландии и Исландии в поисках древних рунических надписей, которые он так и не смог отыскать; будучи на западном побережье Гренландии, он столкнулся с необычным племенем вырождающихся эскимосов, чья религия, необычная форма поклонения дьяволу, напугала его своей предельной кровожадностью и омерзительностью. Это было верование о котором остальные эскимосы знали очень мало и упоминали всегда с содроганием; они говорили, что эта религия пришла из ужасных древних эпох еще до сотворения мира. Помимо отвратительных ритуалов и человеческих жертвоприношений, были там и довольно странные традиционные обряды, обращенные к верховному дьяволу, или "торнасуку"; их детали профессор Уэбб тщательно воспроизвел со слов старого "ангекока", или жреца-колдуна, записав их латинскими буквами как можно ближе к звучанию оригинала. В данном случае первостепенное значение имел фетиш, который хранили служители культа и вокруг которого верующие танцевали, когда утренняя заря загоралась над ледяными утесами. Фетиш, как заявил профессор, представлял собой очень грубо выполненный каменный барельеф, содержащий какое-то жуткое изображение и загадочные письмена. Насколько он припоминал, во всех основных чертах то изображение походило на дьявольский предмет, лежавший сейчас перед собравшимися.

Это сообщение, принятое участниками конференции с тревогой и изумлением, вдвойне взволновало инспектора Легресса; он тут же принялся засыпать профессора вопросами. Обладая записями заклинаний людей, арестованных его подчиненными на болоте, он попросил профессора Уэбба как можно точнее припомнить звучание слов, которые произносили поклонявшиеся дьяволу эскимосы. За этим последовало скрупулезное сравнение деталей, завершившееся моментом подлинного и всеобщего изумления и тревожной тишины, когда и детектив, и ученый признали полную идентичность фраз, используемых двумя сатанинскими

культами, которых разделяли гигантские расстояния. Итак, эскимосские колдуны и болотные жрецы из Луизианы пели, обращаясь к внешне сходным идолам, нечто вроде этого — предположение о делении на слова было сделано на основании пауз в пении: "Пх'нглуи мглу'нафх Ктулху Р'лайх вгах'нагл фхтагн".

Легресс имел перед профессором Уэббом преимущество в том, что некоторые из его пленников-полукровок сообщили смысл этих звуко сочетаний. По словам старейших участников церемонии, текст означал: "В своем доме в Р'лайх мертвый Ктулху спит, ожидая часа". Тут уже инспектор Легресс по общему настоятельному требованию подробно рассказал историю, связанную с болотными служителями культа; историю, которой мой дед придавал большое значение. Его рассказ был воплощенной мечтой специалиста по мифологии или теософа, он показывал потрясающую распространенность космических фантазий среди таких примитивных слоев общества, от которых этого менее всего можно ожидать.

Первого ноября 1907 года в полицию Нью-Орлеана пришли отчаянные сообщения с юга, из края болот и лагун. Тамошние поселенцы, в основном грубые, но добродушные потомки французских колонистов Лафитта, были охвачены ужасом после непонятного явления, происшедшего ночью. Это, без сомнения, было колдовство вуду, но колдовство столь кошмарное, о каком они никогда не слышали; нескольких женщин и детей больше не видели с того момента, как зловещие звуки тамтама начали доноситься из глубин темного зачарованного леса, в который не решался заходить ни один из местных жителей. Оттуда слышались безумные крики и вопли истязуемых, леденящее душу пение, видны были пляшущие дьявольские огни; всего этого, как заключил напуганный посланник, люди не могли больше выносить.

Итак, двадцать полицейских, разместившихся на двух повозках и в одном автомобиле, отправились на место происшествия, захватив с собой в качестве проводника дрожащего от испуга скваттера. Когда проезжая дорога закончилась, они пошли пешком и несколько миль в полном молчании топали по грязи через мрачный кипарисовый лес, куда никогда не проникал дневной свет. Их окружали уродливые корни и зловеще свисающие с деревьев петли испанского мха, а возникающие то там, то сям груды мокрых камней или обломки сгнившей стены усиливали ощущение болезненности этого места, создаваемое каждым упавшим деревом или поросшей поганками кочкой. Наконец показалась жалкая кучка хижин — поселок скваттеров, — и доведенные до истерики обитатели выбежали навстречу свету фонарей. Теперь вдалеке можно было расслышать приглушенный рокот тамтамов, а временами порыв ветра приносил с собой леденящий душу крик. Красноватый огонь, казалось, просачивался сквозь бледный подлесок среди бесконечной черноты леса. Донельзя запуганные скваттеры наотрез отказались сделать хотя бы шаг по направлению к нечестивому сборищу, и поэтому инспектор Легресс со своими девятнадцатью полицейскими отправились без проводников в черную пропасть ужаса, неведомого им прежде.

Местность, в которую вступили полицейские, всегда пользовалась дурной славой, и белые люди избегали посещать ее. Ходили легенды о затерянном в дебрях озере, в котором обитает гигантский бесформенный белый полип со светящимися глазами, а скваттеры шепотом рассказали, что в этом лесу дьяволы с крыльями летучих мышей вылетают из пещер в безднах земли и в полночь водят свои хороводы. Они уверяли, что все это происходило еще до французских поселенцев, до того, как сюда пришли индейцы, даже до появления в лесу зверей и птиц. Это был настоящий ужас, и увидеть его означало умереть. Того, что чудилось местным жителям в ночных кошмарах, хватало, чтобы заставить держаться от леса подальше. Нынешняя колдовская оргия проходила на самой границе проклятой местности, и одно это, похоже напутало скваттеров куда сильнее, чем доносящиеся оттуда вопли.

Только поэт или безумец могли отдать должное тем звукам, которые доносились до людей Легресса, продиравшихся сквозь темную чашу навстречу красным отблескам и глухим ударам тамтама. Есть, как известно, звуки, присущие животным, и звуки, присущие человеку, и ужасно видеть, как их источники внезапно меняются местами. Звериная ярость и неистовая похоть участников оргии взвинчивались до демонических высот завываниями и пронзительными криками, вибрирующими в толще ночного леса, подобно смрадному испарением из бездны ада. Время от времени беспорядочное улюлюканье прекращалось, и тогда слаженный хор грубых голосов заводил страшную обрядовую песнь: "Пх'нглуи мглу'нафх Ктулху Р'лайх вгах'нагл фхтагн".

Наконец полицейские достигли места, где деревья росли реже, и внезапно их глазам открылось жуткое зрелище. Четверо из них зашатались, один упал в обморок, еще двое в страхе закричали, однако крик их, к счастью, заглушала безумная какофония оргии Легресс плеснул болотной водой в лицо потерявшему сознание товарищу, и вскоре все они стояли рядом, почти загнипнотизированные ужасом.

Над поверхностью болота возвышался травянистый островок, площадью примерно в акр, лишенный деревьев и достаточно сухой. На нем в данный момент прыгала и извивалась толпа настолько уродливых человеческих существ, что их смогла бы изобразить лишь причудливая фантазия таких художников, как Сайм или Ангарола. Все это ублюдочное отродье, полностью лишенное одежды, кружилось, выло и извивалось вокруг чудовищного костра кольцеобразной формы; в центре его, появляясь порой в разрывах пламени, возвышался большой гранитный монолит примерно восьми футов высотой, на вершине которого покоилась несоразмерно маленькая резная фигурка. С десяти виселиц, воздвигнутых через равные промежутки по кругу, свисали причудливо вывернутые тела несчастных исчезнувших скваттеров. Внутри этого круга подпрыгивала и вопила толпа Дикарей, двигаясь в нескончаемой вакханалии между кольцом тел и кольцом огня.

Возможно, это было лишь игрой воспаленного воображения, но одному из полицейских, впечатлительному испанцу, почудилось, что откуда-то доносятся звуки, словно вторящие ритуалу, и отзвук этот идет из темных глубин леса, вместилища древних страхов и легенд. Человека этого, Джозефа Д.Галвеса, я впоследствии опрашивал, и он действительно обладал пылким воображением. Он уверял даже, что видел слабые колыхания больших крыльев, а также отблеск сверкающих глаз и очертания громадной белой массы за самыми дальними деревьями — но тут, я думаю, он отдал щедрую дань местным суевериям.

Однако полицейские оставались скованы ужасом всего несколько мгновений. Чувство долга возобладало: хотя в толпе было не менее сотни беснующихся полукровок, полицейские положились на свое оружие и решительно двинулись вперед. В течение последовавших пяти минут шум и хаос стали совершенно неопишными. Наносились свирепые удары, гремели выстрелы, и многим в суматохе удалось уйти. Однако под конец Легресс насчитал сорок семь угрюмых пленников, которым он приказал одеться и выстроиться между двумя рядами полицейских. Пятеро участников колдовской оргии были убиты, а двоих тяжелораненых потащили на самодельных носилках их же плененные товарищи. Фигурку с монолита, разумеется, осторожно сняли, и Легресс забрал ее с собой.

Допрошенные после завершения изнурительного путешествия пленники все как один оказались людьми смешанной крови, чрезвычайно низкого умственного развития, да еще и с психическими отклонениями. Большая часть из них была матросами, а горстка негров и мулатов, в основном из Вест-Индии или с португальских островов Кабо-Верде, привносила в этот разнородный культ оттенок религии вуду. Но еще до того, как были заданы все вопросы, стало ясно, что речь идет о чем-то значительно более древнем и глубоком, чем негритянский фетишизм.

Какими бы дебильными и невежественными ни были эти люди, они с удивительным постоянством придерживались главной идеи своего отвратительного верования.

Они поклонялись, как утверждали сами, Великим Древним, которые жили за века до того, как на земле появились первые люди, и спустились в совсем еще юный мир с небес. Эти Древние теперь ушли, удалились вглубь земли и на дно моря; однако их мертвые тела поведали свои тайны первому человеку в его снах, и он создал культ, который никогда не умрет. Это был именно их культ, и пленники утверждали, что он всегда существовал и всегда будет существовать, скрытый в отдаленных пустынях и потаенных местах по всему миру, до тех пор пока Великий Ктулху не поднимется из своего темного дома в великом городе Р'лайх под толщей вод и вновь не примет мир под свой скипетр. Когда звезды займут нужное положение, он призовет их, и приверженцы культа всегда будут ждать этого дня.

А пока сказать больше нечего. Есть секрет, который невозможно выведать никакими пытками, никакими уговорами. Человек никогда не был единственным мыслящим существом на Земле, ибо из тьмы и сейчас приходят образы, посещающие немногих верных. Но это не Великие Древние. Ни один человек никогда не видел Великих Древних. Резной идол представляет собой Великого Ктулху, но никто не может сказать, похожи ли на него другие. Никто не может теперь прочитать древние письма, но слова передаются из уст в уста. Заклинание, которое они поют, не является тайной из тех, что произносятся только шепотом. Оно означает лишь одно: "В своем доме в Р'лайх мертвый Ктулху спит в ожидании часа".

Лишь двое из захваченных пленников оказались вменяемыми настолько, чтобы их можно было повесить, остальных же разместили по лечебницам. Все они отрицали участие в ритуальных убийствах, уверяя, что убийства совершали Чернокрылые, приходившие к ним из своих убежищ, которые с незапамятных времен находятся в недрах зачарованного леса. Однако больше об этих таинственных союзниках ничего связного узнать не удалось. Почти все, что полиция смогла выяснить, было рассказано очень старым метисом по имени Кастро, который клялся, что бывал в самых разных портах мира и беседовал с бессмертными вождями культа в горах Китая.

Престарелый Кастро припомнил отрывки устрашающих легенд, затмевающих все умствования теософов и представляющих человека и весь наш мир как нечто недавнее и временное. Были эпохи, когда на земле господствовали иные Существа, и у них были великие города. Как рассказывал ему бессмертный китаец, останки этих Существ еще могут быть обнаружены; они превратились в циклопические статуи на островах Тихого океана. Все они умерли задолго до появления человека, но есть способы, позволяющие их оживить, особенно когда звезды вновь займут благоприятное положение в цикле вечности. Ведь Они сами пришли со звезд и принесли с собой свои изображения.

Великие Древние, продолжал Кастро, не целиком состоят из плоти и крови. У них есть форма — ибо разве эта фигурка не служит тому доказательством? — но эта форма не воплощена в материи. Когда звезды расположены правильно, Они могут перемещаться из одного мира в другой, но при неправильном положении звезд Они не могут жить. Но, хотя Они больше не живут, Они не могут и умереть. Все Они лежат в каменных домах в их великом городе Р'лайх, защищенные заклетами могущественного Ктулху, в ожидании великого воскрешения, когда звезды и Земля снова будут готовы к Их приходу. Но и в этот момент освобождению их тел должна способствовать какая-нибудь внешняя сила. Заклетия, которые делают Их неуязвимыми, одновременно не позволяют Им сделать первый шаг, и теперь Они могут только лежать без сна в темноте и думать, пока бесчисленные миллионы лет проносятся мимо. Им известно все, что происходит во Вселенной, поскольку форма их общения — это передача мыслей. Даже сейчас Они разговаривают друг с другом в своих могилах. Когда после бесконечного хаоса на Земле появились первые люди,

Великие Древние обращались к самым чутким из них, посылая им сновидения, ибо только таким образом Их язык мог достичь сознания людей.

И вот, прошептал Кастро, эти первые люди создали культ вокруг маленьких идолов, которых Великие Древние показали им: идолов, принесенных в позабытые века с темных звезд. Культ этот никогда не умрет, он сохранится до тех пор, пока звезды вновь не займут нужное положение, и тогда тайные жрецы поднимут Великого Ктулху из его могилы, чтобы оживить Его подданных и восстановить Его власть на земле. Время это легко будет распознать, ибо все люди тогда станут как Великие Древние — дикими и свободными, стоящими по ту сторону добра и зла, отбросят прочь законы и мораль, будут кричать, убивать и веселиться. Тогда освобожденные Великие Древние откроют им новые способы того, как кричать, убивать и веселиться, наслаждаясь собой, и вся земля запыхает во всеуничтожающем пламени свободы и экстаза. А до тех пор культ при помощи своих ритуалов должен сохранять в памяти людей старые привычные способы и провозглашать пророчества об Их возрождении.

В прежние времена избранные люди могли говорить с погребенными Великими Древними во время сна, но потом что-то случилось. Великий каменный город Р'лайх с его монолитами и надгробиями исчез под волнами; и глубокие воды, полные первичной тайны, сквозь которую не может пробиться даже мысль, оборвали это призрачное общение. Но память не умирает, и верховные жрецы говорят, что город восстанет вновь, когда звезды займут благоприятное положение. Тогда из земли восстанут ее черные духи, призрачные и забытые, принесшие туманные знания со дна забытых морей. Но об этом старый Кастро говорить не посмел. Он резко оборвал свой рассказ, и в дальнейшем никакие попытки не могли заставить его говорить. Странно также, что он наотрез отказался описать размеры Великих Древних. Сердце этой религии, по его словам, находится посреди нехоженых пустынь Аравии, где дремлет в неприкосновенности затерянный Ирем, Город Колонн. Это верование никак не связано с европейским культом ведьм и практически не известно никому, кроме его приверженцев. Ни в одной из книг нет даже намек на него, хотя, как говорил бессмертный китаец, в "Некрономиконе" безумного араба Абдулы Аль-Хазреда есть строки с двойным смыслом, которые посвященный может прочесть по своему усмотрению, в особенности такой часто обсуждаемый куплет:

*Не только мертвый может вечно спать,
Не только жизнь умеет умирать.*

Легресс, на которого все это произвело глубокое впечатление, тщетно пытался отыскать исторические следы существования подобного культа. По всей видимости, Кастро сказал правду, утверждая, что он остался полностью скрытым. Специалисты из университета в Тулейне, куда обратился Легресс, не смогли ничего сказать ни о самом культе, ни о фигурке идола, которую он им показал. Теперь инспектор обратился к ведущим специалистам в данной области и вновь не смог услышать ничего, кроме гренландской истории профессора Уэбба.

Лихорадочный интерес, вызванный на конференции рассказом Легресса и подкрепленный показанной им фигуркой, получил отражение в последующей переписке присутствовавших ученых, хотя почти не был упомянут в официальных публикациях археологического общества. Осторожность всегда является главной заботой ученых, привыкших сталкиваться с шарлатанством и подделками. На некоторое время Легресс передал фигурку идола профессору Уэббу, однако после смерти последнего получил ее обратно, и она оставалась у него, так что увидеть загадочный предмет я смог лишь совсем недавно. Это действительно жуткое произведение, без сомнения, весьма напоминающее скульптуру юного Уилкокса.

Неудивительно, что мой дед был весьма взволнован рассказом скульптора, после того как узнал историю Легресса о загадочном культе. Теперь перед ним стоял молодой человек, который не только увидел во сне фигурку и точные изображения иероглифов, обнаруженных в южных болотах и гренландских льдах, но и слышал во сне по крайней мере три слова, в точности повторяющих заклинания эскимосских сатанистов и луизианских полукровок. Естественно, что профессор Энджелл тут же начал свое собственное расследование; хотя лично я втайне подозревал юного Уилкокса в том, что тот, каким-то образом узнав о злополучном культе и выдумав целую серию мнимых сновидений, решил продлить таинственную историю за счет моего деда. Записи сновидений и вырезки из газет, собранные профессором, были, разумеется, серьезным подкреплением его догадок; однако мой рационализм и необычность проблемы в целом привели меня к выводу, который я тогда считал наиболее разумным. Поэтому, еще раз тщательно изучив рукопись и соотнеся теософские и антропологические суждения с рассказом Легресса, я решил поехать в Провиденс, чтобы высказать справедливые упреки в адрес скульптора, позволившего себе столь беспардонно обманывать пожилого ученого.

Уилкокс все еще проживал в одиночестве в "Доме под лилиями" на Томас-стрит, в здании, представлявшем собой уродливую викторианскую имитацию французской архитектуры семнадцатого века, выпятившую свой оштукатуренный фасад среди очаровательных домиков колониального стиля в тени самой изумительной в Америке георгианской церкви. Я застал его за работой и, осмотрев разбросанные по комнате произведения, понял, что передо мной выдающийся и подлинный талант. Я был убежден, что он со временем прославится как великий декадент, ибо он сумел воплотить в глине, а когда-нибудь отразит в мраморе те ночные кошмары и фантазии, которые Артур Мейкен пробудил в прозе, а Кларк Эштон Смит оживил в своих стихах и живописных полотнах.

Смуглый, хрупкий юноша немного неряшливого вида вяло отозвался на мой стук в дверь и, не вставая с места, спросил, что мне нужно. Когда я назвал себя, он проявил некоторый интерес; видимо, в свое время мой дед разбудил в нем любопытство, анализируя его странные сновидения, хотя так и не объяснил ему истинной причины своего внимания. Я не слишком расширил его знания по этому вопросу, но тем не менее постарался его разговорить. Очень скоро я смог полностью убедиться в его несомненной искренности, поскольку манера, в которой он говорил о своих снах, рассеяла мои подозрения. Эти сновидения и их подспудное воздействие сильнейшим образом повлияли на его творчество. Он показал мне зловещую статую, контуры которой едва не заставили меня задрожать от заключенной в ней темной силы. Он не мог припомнить никаких иных впечатлений, вдохновивших его на это творение, помимо своего барельефа, причем контуры фигуры возникали под его руками сами собой. Это был, несомненно, образ гиганта, созданный его горячечным бредом. Он ясно дал понять, что ничего не знает о тайном культе, хотя бесконечные расспросы моего деда наводили его на какие-то мысли; тут я вновь подумал о том, где и каким образом он мог увидеть эти кошмарные образы.

Он рассказывал о своих снах в необычной поэтической манере, заставляя меня словно воочию видеть ужасающие картины сырого циклопического города из скользкого зеленоватого камня, чья геометрия, по его странному выражению, была совершенно неправильной, и явственно слышать непрерывный полусознательный зов из-под земли: "Ктулху фхтагн! Ктулху фхтагн!".

Слова эти составляли часть жуткого призыва, обращенного к мертвому Ктулху, лежащему в своем каменном склепе в Р'лайх, и я, несмотря на весь свой рационализм, почувствовал глубокое волнение. Я думал, что Уилкокс все-таки слышал раньше об этом культе, возможно, мельком, случайно, и вскоре воспоминание об этом растворилось в массе не менее жутких книг и впечатлений. Позднее в силу его острой впечатлительности эти воспоминания нашли воплощение в снах, в барельефе и в этой жуткой статуе, которую я увидел в тот день; таким

образом, он обманул моего деда ненамеренно. Молодой человек относился к тому типу людей, чья склонность к аффектации и дурные манеры раздражали меня, но они ничуть не мешали отдать должное его таланту и искренности. Мы расстались вполне дружески, и я пожелал ему всяческих успехов на художественном поприще.

Загадка таинственного культа продолжала волновать меня; время от времени мне удавалось встретиться с учеными и узнать их точку зрения на его происхождение и связи. Я посетил Нью-Орлеан, побеседовал с Легрессом и другими участниками того давнего полицейского рейда, увидел устрашающий каменный символ и даже смог опросить кое-кого из еще живых пленников-полукровок. Старик Кастро, к сожалению, умер за несколько лет до этого. То, что я смог получить из первых рук, оказалось лишь подтверждением сведений, уже известных мне из рукописи деда, и тем не менее я вновь был взволнован; теперь я не сомневался, что напал на след весьма реальной, исключительно тайной и очень древней религии, открытие которой сделает меня известным антропологом. Моей тогдашней установкой по-прежнему оставался абсолютный материализм — хотел бы я, чтобы так было до сих пор, — и меня крайне раздражало своей непозволительной алогичностью совпадение по времени невероятных сновидений и событий, в том числе отраженных и в газетных вырезках, которые собрал покойный профессор Энджелл.

Тогда я начал подозревать, а сегодня знаю наверняка, что смерть моего деда была далеко не естественной. Он упал на узкой улочке, идущей вверх по холму и кишмя кишасей всякими заморскими ублюдками, после того как его толкнул моряк-негр. Я не забыл, что среди служителей культа в Луизиане было много людей смешанной крови и моряков, и меня ничуть не удивляют самые тайные и бесчеловечные методы, обряды и ритуалы. Правда, Легресса и его людей никто не тронул, однако в Норвегии скончался моряк, увидевший нечто подобное. Разве не могли сведения о тщательных расследованиях, которые предпринял мой дед после получения данных о снах скульптора, достичь чьих-то ушей? Я думаю, что профессор Энджелл умер потому, что слишком много знал или, по крайней мере, мог узнать. Суждено ли мне уйти так же, как ему, покажет будущее, поскольку я уже сейчас знаю слишком много.

III. Безумие из морских глубин

Если бы небеса захотели когда-нибудь совершить для меня благодеяние, то им стало бы полное устранение результатов того стечения обстоятельств, которое побудило меня бросить взгляд на одну бумагу. В иной ситуации ничто не могло бы заставить меня посмотреть на этот старый номер австралийского журнала "Сиднейский бюллетень" от 18 апреля 1925 года. Он ускользнул от внимания даже той конторы, которая занималась сбором вырезок для исследований моего деда.

К тому времени я почти забросил изучение того, что профессор Энджелл назвал "культом Ктулху", и находился в гостях у своего ученого друга из Патерсона, штат Нью-Джерси, хранителя местного музея и довольно известного специалиста по минералогии. Рассматривая как-то образцы камней из запасников музея, я обратил внимание на странное изображение на старой бумаге, постеленной на полке под камнями. Это и был упомянутый "Сиднейский бюллетень", а картинка представляла собой выполненное фототипическим методом изображение страшной каменной фигурки, почти идентичной той, которую Легресс обнаружил на болотах.

Жадно выхватив журнал из-под драгоценного груза коллекции, я внимательно просмотрел заметку и был разочарован ее малым объемом. Содержание ее, однако, было необычайно важным для моих выдыхающихся поисков, и поэтому я аккуратно вырезал заметку из журнала. В ней сообщалось следующее:

"В МОРЕ ОБНАРУЖЕНО ТАИНСТВЕННОЕ СУДНО.

"Бдительный" прибыл с неуправляемой новозеландской яхтой на буксире. На борту один живой и один мертвый. Рассказ об отчаянной битве и гибели на море. Спасенный моряк отказывается сообщить подробности странного происшествия, у него обнаружен странный идол. Предстоит расследование.

"Бдительный", грузовое судно компании Моррисона, вышедшее из Вальпараисо, подошло сегодня утром к своему причалу в Дарлинг-Харборе, ведя на буксире разбитую и неуправляемую, но хорошо вооруженную паровую яхту "Тревога" из Данидина, Новая Зеландия, которая была обнаружена 12 апреля в 34 градусах 21 минуте южной широты и 152 градусах 17 минутах западной долготы с одним живым и одним мертвым человеком на борту.

"Бдительный" покинул Вальпараисо 25 марта и 2 апреля значительно отклонился к югу от своего курса из-за необыкновенно сильного шторма и гигантских волн. 12 апреля было обнаружено брошенное судно; на первый взгляд яхта казалась совершенно пустой, однако затем там нашли одного живого человека в полубезумном состоянии и одного мертвеца, скончавшегося больше недели назад. Оставшийся в живых сжимал в руках страшного каменного идола неизвестного происхождения, около фута в высоту, в отношении которого специалисты Сиднейского университета, Королевского общества, а также Музея Колледж-стрит признали свою полную неосведомленность. Сам выживший утверждает, что обнаружил этот предмет в салоне яхты, в небольшом резном алтаре необычного вида.

Этот человек, после того как пришел в чувство, рассказал весьма странную историю о пиратстве и кровавой резне. Он назвался Густавом Йохансеном, норвежцем, вторым помощником капитана на двухмачтовой шхуне "Эмма" из Окленда, которая отплыла в Кальяо 20 февраля, имея на борту команду из одиннадцати человек. Он рассказал, что "Эмма" задержалась в пути и была отнесена к югу от своего курса сильным штормом 1-го марта, и 22 марта в 49 градусах и 51 минуте южной широты и 128 градусах и 34 минутах западной долготы встретила "Тревогу", управляемую странной и выглядевшей весьма злоеце командой из канаков и метисов. Получив настоящий приказ повернуть назад, капитан Коллинз отказался выполнить его, и тогда странный экипаж без всякого предупреждения открыл яростный огонь по шхуне из батареи медных пушек, составлявших вооружение яхты.

Команда "Эммы", как рассказал оставшийся в живых, открыла ответный огонь, и когда их судно уже начало тонуть от пробоин ниже ватерлинии, смогла подвести шхуну бортом к борту яхты, перебраться на нее и вступить в схватку с экипажем на палубе. В результате им пришлось перебить всех дикарей, которые превосходили их числом, из-за их яростного и отчаянного, хотя и довольно неумелого сопротивления.

Трое из экипажа "Эммы" были убиты, включая капитана Коллинза и первого помощника Грина; оставшиеся восемь человек под командой второго помощника Йохансена взяли на себя управление захваченной яхтой и двинулись прежним курсом с целью определить, по какой причине экипаж яхты требовал от них его изменения. На следующий день они увидели маленький остров и, причалив, высадились на него, хотя никто из них не знал ранее о существовании земли в этой части океана; шестеро каким-то образом погибли на берегу, причем в этой части своего рассказа Йохансен стал крайне сдержанным и скрытным, сообщив лишь о том, что они упали в глубокую расщелину в скалах. Позднее, по всей видимости, он и его оставшийся в живых напарник попытались вернуть яхту в порт, но 2 апреля оказались жертвами шторма. С этого момента и до дня своего спасения 12 апреля Йохансен мало что помнит и, в частности, не может сообщить, когда умер его напарник, Уильям Брайден. Смерть последнего, как показал осмотр, не была вызвана

какими-либо явными причинами и, по всей вероятности, произошла в результате перевозбуждения или чрезмерного холода. Из Данидина по телеграфу сообщили, что "Тревога" была хорошо известна как торговое судно, курсировавшее между островами Тихого океана, и что она пользовалась дурной репутацией по всему побережью. Ей владела странная группа метисов, чьи частые сборища и ночные путешествия по лесам возбуждали немалое любопытство; она вышла в море в большой спешке сразу же после шторма и подземных толчков 1 марта. Наш оклендский корреспондент сообщает, что "Эмма" и ее экипаж пользовались превосходной репутацией, а Йохансена характеризует как трезвомыслящего и достойного человека. Адмиралтейство создало комиссию по расследованию этого происшествия, которое начнется уже завтра; в ходе расследования будет предпринята попытка получить от Йохансена больше сведений, чем он сообщил до сих пор".

Вот и вся заметка вместе с фотоснимком адского изображения; но какую же цепь ассоциаций она пробудила в моем сознании! Ведь это были бесценные новые сведения относительно культа Ктулху, подтверждавшие, что он имеет отношение к морю, а не только к земле. В самом деле, каким мотивом руководствовался экипаж полукровок, когда приказал "Эмме" повернуть назад, когда приблизился к ней с ужасным идолом на борту? Что это за неизвестный остров, на котором умерли шестеро членов экипажа "Эммы" и о котором помощник Йохансен так не хотел рассказывать? Что было вскрыто в ходе расследования, предпринятого адмиралтейством, и что известно об этом пагубном культе в Данидине? И главное — какая глубинная и сверхъестественная связь существовала между этими событиями и различными фактами, зафиксированными моим дедом?

1 марта — или 28 февраля, в соответствии с международной линией перемены дат, — произошли землетрясение и шторм. Из Данидина "Тревога" и ее гнусный экипаж вышли весьма поспешно, будто по чьему-то настоящему приказу, и в это же время на другом конце земли поэты и художники начали видеть в своих снах странный, пропитанный сыростью циклопический город, а юный скульптор вылепил во сне фигуру ужасного Ктулху. 23 марта экипаж "Эммы" высадился на неведомом острове, где оставил потом шестерых мертвецов; и именно в этот день сны чувствительных людей приобрели устрашающую яркость, и кошмар их завершался сценой преследования гигантским монстром; в этот же день архитектор сходит с ума, а скульптор внезапно впадает в горячечный бред! И что сказать по поводу шторма 2 апреля — дня, когда все сны о влажном городе неожиданно прекратились, а Уилкоккс невредимым спасся из плена странной лихорадки? Что все это означает — в сочетании с намеками старого Кастро о явившихся со звезд и ушедших в глубины Великих Древних и их грядущем царствовании, о культе верующих в них и их власти над сновидениями? Неужели я балансирую на самом краю космического ужаса, лежащего за пределами того, что может вынести человек? Если это так, то день второго апреля каким-то образом остановил чудовищную опасность, которая уже начала атаку на душу человечества.

В тот же вечер, отправив несколько телеграмм, я попрощался со своим приятелем и сел на поезд до Сан-Франциско. Менее чем через месяц я уже был в Данидине, где, однако, мало что было известно о служителях странного культа, которые слонялись по портовым тавернам. Отбросы общества были слишком банальной темой для разговоров; хотя ходили смутные слухи относительно одного путешествия, совершенного этими полукровками в глубь острова, во время которого с отдаленных холмов были слышны приглушенные звуки барабана и виднелись красные языки пламени. В Окленде я узнал, что по возвращении Йохансена его светлые волосы оказались совершенно седыми; вернувшись после поверхностного и неполного допроса в Сиднее, он продал свой коттедж на Уэст-стрит в Данидине и вместе с женой уехал к себе в Норвегию. О своем необычайном приключении он рассказывал друзьям не больше, чем сообщил чиновникам

адмиралтейства, так что они не могли ничего добавить и помогли мне лишь тем, что дали его адрес в Осло.

После этого я отправился в Сидней, где совершенно безрезультатно пообщался с моряками и участниками адмиралтейского расследования. Я видел "Тревогу", теперь проданную и используемую как торговое судно, на Круговом Причале Сиднейской бухты, но ее внешний вид не говорил ни о чем необычном. Скрюченная фигурка с головой каракатицы, драконьим туловищем, чешуйчатыми крыльями и покрытым иероглифами пьедесталом теперь хранилась в Музее в Гайд-парке; я долго и внимательно разглядывал ее, обнаружив, что это вещь, выполненная с исключительным искусством и столь же таинственная, устрашающе древняя и необычная, как и меньший по размеру экземпляр Легресса. Хранитель музея, геолог по специальности, сказал мне, что считает ее чудовищной загадкой, поскольку на земле не существует такого камня, из которого она могла быть изготовлена. Тут я с содроганием вспомнил слова старого Кастро, которыми он описывал Легрессу Великих Древних: "Они пришли со звезд и принесли с собой свои изображения".

Столкнувшись с небывалым доселе душевным потрясением, я решил теперь отправиться в Осло для встречи с Йохансеном. Добравшись до Лондона, я пересел там на корабль, отправлявшийся в норвежскую столицу, и в один из осенних дней вышел на набережную в тени Эгеберга. Я знал, что Йохансен проживает в Старом городе короля Харольда Хардрада, сохранявшем имя "Осло" на протяжении всех веков, пока больший город маскировался под именем "Христиания". Я немного прокатился на такси и вскоре с бьющимся сердцем стучался в дверь аккуратного старинного домика с оштукатуренным фасадом. Одета в черное женщина со скорбным лицом выслушала мои объяснения и на плохом английском сообщила ошеломившую меня новость — Густава Йохансена больше нет.

Он прожил совсем недолго после своего возвращения, сказала его жена, потому что события 1925 года что-то сломали в нем. Он рассказал ей не больше, чем всем остальным, однако оставил большую рукопись — о "технических деталях", как он говорил, — написанную по-английски, вероятно, чтобы не подвергать жену опасностям случайного любопытства. Однажды, когда он проходил по узкой улочке близ Готенбургского дока, из чердачного окна одного из домов на него упала связка каких-то бумаг и сбила с ног. Двое матросов-индийцев сразу же помогли ему подняться, но он скончался еще до прибытия "Скорой помощи". Врачи не нашли никакой очевидной причины смерти и приписали ее сердечной недостаточности и ослабленному состоянию. С тех пор меня гложет постоянный и навязчивый темный страх, и я знаю, что он не оставит меня, пока я не найду свой конец, "случайно" или каким-нибудь иным образом. Убедив вдову, что ознакомление с "техническими деталями" — цель моего столь долгого путешествия, я смог получить рукопись и начал читать ее на обратном пути в Лондон.

Это было простое и довольно бессвязное сочинение — наивная попытка моряка описать задним числом случившиеся с ним события и день за днем восстановить то ужасное последнее путешествие. Я не могу передать его дословно, учитывая всю туманность изложения и перегруженность деталями, но постараюсь следовать сюжету так, чтобы вы поняли, почему звук воды, бьющей в борта корабля, стал для меня постепенно настолько невыносимым, что я вынужден был заткнуть уши ватой.

Йохансен, слава Богу, узнал не все, хотя увидел и город, и Существо. Но я больше не могу спокойно спать, когда думаю о тех ужасах, что таятся совсем рядом с нашей жизнью, об исчадиях ада, пришедших сюда с седых звезд и спящих теперь в пучине вод, о том, что приверженцы кошмарного культа помнят о них и жаждут вновь явить миру, когда какое-нибудь новое землетрясение снова вынесет их чудовищный город навстречу солнцу и ветру.

Путешествие Йохансена началось именно так, как он сообщил комиссии адмиралтейства. "Эмма", груженная балластом, покинула Окленд 20 февраля и ощутила на себе всю силу вызванной подземным толчком бури, которая подняла со дна моря ужасы, наполнившие людские сны. Вновь подчинившись управлению, корабль стал быстро продвигаться вперед, пока не оказался остановленным "Тревогой" 22 марта, и я смог почувствовать горечь и сожаление помощника капитана, когда он описывал обстрел и потопление шхуны. О смуглолицых служителях культа, находившихся на борту "Тревоги", он писал с нескрываемым омерзением. Похоже, в них было нечто невообразимо гнусное, отчего их уничтожение превращалось почти в священный долг — именно поэтому Йохансен с нескрываемым недоумением воспринял обвинения в жестокости, брошенные в адрес его команды во время слушания в суде. Затем, движимые любопытством, люди Йохансена мчались вперед на захваченной яхте, пока, находясь в 47 градусах 9 минутах южной широты и 126 градусах 43 минутах западной долготы, не наткнулась на береговую линию, где посреди липкой грязи и ила обнаружили заросшую тростником каменную кладку, которая была не чем иным, как материализованным ужасом нашей планеты — кошмарным городом-трупом Р'лайх, построенным в незапамятные века истории гигантскими отвратительными созданиями, спустившимися с темных звезд Там лежали Великий Ктулху и его воинство, скрытые в усыпальницах из зеленого склизкого камня, посылавшие те самые видения, которые в ночных кошмарах проникали в сны чутких людей, а верных слуг звали в поход ради освобождения и возрождения своих повелителей. Обо всем это Йохансен не подозревал, но видит Бог, вскоре он узрел вполне достаточно!

Я предположил, что на поверхность воды выступила только самая верхушка чудовищной, увенчанной монолитом цитадели, под которой лежал Великий Ктулху. Помыслив о протяженности той части, что уходит вглубь, я едва не дал волю мыслям о самоубийстве. Йохансен и его матросы были охвачены благоговейным ужасом перед лицом космического величия этого источающего влагу Вавилона древних демонов и, по всей видимости, без всякой подсказки догадались, что это не могло быть творением нашей или любой другой земной цивилизации. Трепет от немыслимого размера зеленоватых каменных блоков, от потрясающей высоты огромного резного монолита, от ошеломляющего сходства колоссальных статуй и барельефов со странной фигуркой, обнаруженной в корабельном алтаре "Тревоги", явно чувствуется в каждой строке бесхитростного повествования помощника капитана.

Не имея представления о том, что такое футуризм, Йохансен тем не менее приблизился к нему в своем изображении города. Вместо точного описания определенных сооружений или зданий он ограничивается только общими впечатлениями от гигантских углов или каменных плоскостей — поверхностей слишком больших, чтобы они были созданы на этой планете, и усеянных устрашающими изображениями и письменами. Я упомянул здесь его высказывания об углах, поскольку это напомнило мне один момент в рассказе Уилкокса о его страшных снах. Он говорил, что геометрия пространства, явившегося ему во сне, была аномальной, неевклидовой и пугающе наполненной сферами и измерениями, отличными от наших. Теперь малограмотный моряк почувствовал то же самое, глядя на ужасную реальность.

Йохансен и его люди высадились на пологий илистый берег этого чудовищного акрополя и стали, скользя, карабкаться вверх по титаническим, сочащимся влагой блокам, которые никак не могли быть лестницей для смертных. Даже солнце на небе выглядело искаженным в миазмах, источаемых этой погруженной в море громадой, а угроза и опасность зловеще скалились из каждого безумного, ускользающего изгиба резного камня, где повторный взгляд ловил впадину на том же месте, на котором первый обнаруживал выпуклость.

Нечто очень похожее на страх охватило всех путешественников еще до того, как они увидели что-либо, кроме камней, ила и водорослей. Каждый из них убежал бы, если бы не боялся

насмешек остальных, и потому они только делали вид, будто ищут — как оказалось, совершенно безрезультатно — какой-нибудь небольшой сувенир на память об этом месте.

Португалец Родригес был первым, кто забрался на подножие монолита и крикнул, что обнаружил нечто интересное. Остальные последовали за ним, и все вместе с любопытством уставились на огромную резную дверь с уже знакомым изображением головоногого дракона. Она была похожа, писал Йохансен, на дверь амбара; все сразу поняли, что это именно дверь из-за витиевато украшенной перемычки, порога и косяков, хотя они так и не поняли, лежит ли она плоско, как люк на корабле, или стоит косо, как дверь погреба. Как говорил Уилкоккс, геометрия здесь была совершенно неправильной. Нельзя было с уверенностью сказать, расположены море и поверхность земли горизонтально или нет, поскольку относительное расположение всего окружающего фантазмагорически менялось.

Брайден надавил на камень в нескольких местах, но безуспешно. Тогда Донован аккуратно ощупал всю дверь по краям, нажимая на каждый участок по отдельности. Он карабкался вдоль гигантского, покрытого плесенью камня — если только вещь эта все-таки не лежала горизонтально, — и все гадали, может ли какая-либо дверь во Вселенной быть столь огромной. Затем очень мягко и медленно панель размером в акр начала опускаться вниз, и они поняли, что она балансировала в неустойчивом равновесии.

Донован соскользнул вниз по косяку, присоединившись к своим товарищам, и теперь они все вместе наблюдали за странным опусканием чудовищного резного портала. В этом фантастическом мире оптического искажения плита двигалась совершенно неестественно, по диагонали, так что все правила движения материи и законы перспективы казались нарушенными.

Дверной проем зиял темнотой, казавшейся почти материальной. И действительно, этот мрак жил собственной жизнью — через мгновение он радостно устремился наружу, как дым после многовекового заточения, и по мере того как он, хлопая перепончатыми крыльями, выплывал в сморщенное искаженное небо, солнце стало меркнуть у них на глазах. Из обнажившихся глубин поднимался совершенно невыносимый смрад, а отличавшийся острым слухом Хоукинс уловил отвратительный хлюпающий звук далеко внизу. И вот тогда, неуклюже громыхая и источая слизь, перед ними появилось Оно и на ощупь стало выдавливать свою зеленую желеобразную безмерность через черный дверной проем в отравленную атмосферу этого безумного города.

В этом месте рукописи почерк бедняги Йохансена стал почти неразборчивым. Из шести человек, не вернувшихся на корабль, двое умерли тут же, на месте — как он думал, просто от страха. Существо не поддавалось описанию — ибо нет языка, подходящего для передачи таких пучин кричащего вневременного безумия, такого жуткого противоречия всем законам материи, энергии и космического порядка. Шагающая, или, точнее, ковыляющая горная вершина. О Боже! Что же удивительного в том, что на другом конце Земли выдающийся архитектор сошел с ума, а бедный Уилкоккс, получив телепатический сигнал, заболел лихорадкой? Прообраз чудовищных идолов, зеленое липкое порождение звезд пробудилось, чтобы предъявить свои права. Звезды вновь заняли благоприятное положение, и то, чего древнему культу не удалось добиться всеми своими ритуалами, было по чистой случайности осуществлено кучкой ничего не ведающих моряков. После миллиардов лет заточения Великий Ктулху был вновь свободен и жаждал насладиться этой свободой.

Трое были сметены гигантскими когтями прежде, чем успели пошевелиться. Упокой Господь их душу, если где-нибудь в этой Вселенной есть место для покоя. Это были Донован, Геррера и Ангстром. Паркер поскользнулся, когда оставшиеся в живых, потеряв голову от страха, неслись к

лодке по гигантским ступеням, покрытым зеленой коркой, и Йохансен клянется, что его проглотила каменная кладка, которая неожиданно разверзлась на ровном месте. В конце концов до лодки добежали только Брайден и сам Йохансен; они начали отчаянно грести к "Тревоге", а чудовище сползло по скользким камням в воду и теперь, теряя время, барахталось у берега.

Хотя рабочих рук явно не хватало, им удалось всего за несколько минут лихорадочной спешки запустить двигатель "Тревоги" и отплыть. Медленно набирая ход, яхта начала вспенивать мертвую воду, а между тем возле каменных нагромождений гибельного берега, который никак нельзя было назвать землей, титаническое звездное Существо что-то бормотало и пускало слюни, как Полифем, посылающий проклятия вслед удаляющемуся кораблю Одиссея. Затем Великий Ктулху, более отважный, чем легендарные циклопы, начал преследование, вздымая гигантские волны своими космическими по силе гребками. Брайден оглянулся назад и потерял рассудок. С того момента он все время только смеялся с короткими паузами до тех пор, пока смерть не настигла его однажды ночью в каюте, пока его напарник в безумии бродил по кораблю.

Но Йохансен все-таки не сдался. Зная, что Существо без труда настигнет "Тревогу", даже если двигаться на всех парах, он решился на отчаянный шаг: установив машину на самый полный, молнией взлетел на мостик и резко развернул штурвал. В реве волн и брызгах соленой воды, когда машина вновь набрала полные обороты, храбрый норвежец направил нос корабля прямо на преследующее его чудовищное желе, возвышавшееся над грязной пеной, подобно корме дьявольского галеона. Чудовищная верхняя часть головноного с вытянутыми вперед щупальцами поднималась почти до бушприта маленькой яхты, но Йохансен отважно повел корабль вперед. Раздался взрыв, как будто лопнул гигантский пузырь, за ним — отвратительный звук разрезаемой пополам титанической медузы, сопровождаемый зловонием тысячи разверстых могил. За один миг корабль накрыло едкое и ослепляющее зеленое облако, так что была видна лишь яростно кипящая вода за кормой; и хотя — Боже милосердный! — разметавшиеся ключья безымянного посланца звезд постепенно воссоединялись в свою тошнотворную первоначальную форму, дистанция между ним и "Тревогой" стремительно увеличивалась.

На этом все кончилось. С того момента Йохансен сидел в рубке, рассматривал фигурку идола, да еще время от времени готовил нехитрую еду для себя и смеющегося безумца рядом с ним. Он даже не пытался управлять судном после отчаянной гонки, поскольку силы, казалось, полностью оставили его. Затем был шторм 2 апреля, когда его сознание начало затуманиваться. Возникло ощущение вихревого призрачного кружения в водоворотах бесконечности, бешеной скачки сквозь вертящиеся на хвосте кометы вселенные, хаотических бросков из бездны на луну и назад в бездну, сопровождавшееся истерическим хохотом веселящихся Древних богов и зеленых, машущих перепончатыми крыльями и гримасничающих бесов Тартара.

Посреди этого сна пришло спасение — "Бдительный", адмиралтейский суд, улицы Данидина и долгое возвращение домой в старый дом у Эгеберга. Он не мог ни о чем рассказать — его приняли бы за сумасшедшего. Перед смертью он должен был описать случившееся, но так, чтобы жена ничего не узнала. Смерть представлялась ему благодеянием, если только она могла стереть воспоминания.

Таков был документ, который я прочел и затем положил в жестяной ящик рядом с барельефом и бумагами профессора Энджелла. Сюда же будут помещены и мои собственные записи — свидетельство моего здравого рассудка, и таким образом соединится в общую картину то, что, как я надеюсь, никто больше не сможет собрать воедино. Я заглянул в глаза вселенского ужаса и с этих пор даже весеннее небо и летние цветы отравлены для меня его ядом. Но я думаю, что мне не суждено жить долго. Так же как ушел из жизни мой дед, как ушел бедняга Йохансен, уйду и я. Я слишком много знаю, а культ все еще жив.

Ктулху тоже жив и, как я предполагаю, снова обитает в каменной бездне, хранящей его с тех времен, как появилось наше солнце. Его проклятый город вновь ушел под воду, ибо "Бдительный" беспрепятственно прошел над этим местом после апрельского шторма; но его служители на земле все еще вопят, танцуют и совершают убийства вокруг увенчанных фигурками идола монолитов в пустынных местах. Должно быть, он пока еще заперт в своей бездонной черной пропасти, иначе весь мир сейчас кричал бы от безумного страха. Кто знает, каким будет конец? Восставший может уйти в бездну, а опустившийся в бездну может вновь восстать. Воплощение вселенской мерзости ждет и грезит во сне, а гниение охватывает гибнущие города людей. Настанет время... но я не должен и не могу думать об этом! Молю об одном — коль мне не суждено будет пережить эту рукопись, пусть мои душеприказчики остерегутся от безрассудства и надежно спрячут ее от посторонних глаз.

*Перевод: Вадим Эрлихман
2003 год*